5	0069	ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ	"Оловянные солдатики"	Часть 1 "В раю"
6*	0069-2	ИЛЬЯ ЭРЕНБУРГ	"Оловянные солдатики"	Часть 2 "В пивной"

«ОЛОВЯННЫЕ СОЛДАТИКИ» (Коренблит – Эренбург)

Не похороненным воинам посвящается

От собеседника

Илья Эренбург многим известен как прозаик и публицист, автор мемуаров "Люди, годы, жизнь", в связи с чем рассматривается как писатель-драматург нежели поэт, однако для меня он в первую очередь является таковым в ряду других великолепных поэтов Серебряного века. И.Э. прошел через четыре войны(!), лично сам видел все её ужасы, смог проанализировать происходящее и философски преобразить в сжатые поэтические формулировки, от чего войны стали ещё страшней и бессмысленней. В стране, люди которой не видели по существу мира, а время между войн можно спокойно рассматривать как передышку перед новыми сражениями об этом написано и переписано много стихов, повестей, рассказов и мемуаров, поэтому трудно найти свой собственный взгляд на это Зло. И этот новый обобщающий подход мне подарил И.Э., благодаря чему мне удалось внести свой посильный вклад в защиту Земли от уничтожения.

Этот Нотный портрет – выражение моего стыда перед незахороненными воинами, могилы которых стоили бы во много раз дешевле "увековечивания их памяти".

"Оловянные солдатики" - это игрушки в руках недоразвитых политиков, которые недоиграв в детстве продолжают играться повзрослев, вернее прибавив в возрасте, дорвавшись до власти, как кот до сметаны. Не знаю как в других странах, а в России поигравшись вволю стало принято с 1917 г. оставлять сломанный "мусор" на полях сражений. До сих пор белеют кости солдат, брошенных в брянских и смоленских лесах, еще живы люди, которые их ждут. А недоделанные вожди с оловянными головами уже оставляют новые трупы без могил и слёз близких, откупаясь новыми мемориалами и храмами, обрекая нас и наших детей на новые переплавки в прах и тлен,

"В раю" - да, именно туда они попадают, погибшие как святые мученики безвинно (единственная "вина" их в том, что они родились не там и не в то время), выручая своих тупоголовых правителей.

"В пивной" – единственное место, где отвоевавшие "отходы" войны могут "залечить" хоть на короткое время свои душевные раны, ведь церковь молчит, трясясь за своё благополучие. Где же ещё им найти утешение?

Ваш Станислав Коренблит

ЧАСТЬ 2 «В ПИВНОЙ»

1(30). Мы видим - 1.27
2(31). Пароль - 1.10
3(32). Мы победим - 1.33
4(33). Победа - 1.10
5(34). Деревья - 1.17
6(35). Вокруг сердцевины - 1.05
7(36). Оборви - 1.26
8(37). Равнодушье - 1.25
9(38). Забытый солдат - 1.14
10(39). Прохожий, подойди - 1.26
11(40). Могила солдата - 1.37
12(41). Камни - 0.56
13(42). Не хочу - 1.09

14(43). Остановись! - 1.18
15(44). Верность - 0.45
16(45). Живи - 1.47
17(46). Неразорвавшийся снаряд - 0.56
18(47). В пивной - 1.51
19(48). Остановка поезда - 1.45
20(49). Подшибленный зверь - 1.28
21(50). Мечтатель - 0.48
22(51). Горячий свет - 0.48
23(52). Нежность - 1.13
24(53). Свет погас - 0.37
25(54). Наше время - 0.55
26(55). Ты ответишь - 1.18
27(56). Не осуди - 1.42
28(57). Будет день - 1.10
Общее время звучания – 35.26
Общее время звучания – 73.06

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ 2 «В ПИВНОЙ»

1. **МЫ ВИДИМ**

Знакомые дома не те.
Пустыня затемненных улиц.
Не говори о темноте:
Мы не уснули, мы проснулись.
Избыток света в поздний час
И холод нового познанья,
Как будто третий, вещий глаз
Глядит на рухнувшие зданья.
Нет, ненависть не слепота -
Мы видим мир, и сердцу внове
Земли родимой красота
Средь горя, мусора и крови.

2. **ПАРОЛЬ**

По тихим плитам крепостного плаца
Разводят незнакомых часовых.
Сказать о возрасте? Уж сны не снятся,
А книжка - с адресами неживых.
Стоят, не шелохнутся часовые.
Друзья редеют, и молчит беда.
Из слов остались самые простые:
Забота, воздух, дерево, вода.
На мир гляжу еще благоговейней -
Уж нет меня. Покоя тоже нет -
Чужое горе липнет, как репейник,
И я не в силах дать ему ответ.
Хожу, твержу, ищу такое слово,
Чтоб выразить всю тишину, всю боль -

Чужого мне, родного часового
С младенчества затверженный пароль.

3. МЫ ПОБЕДИМ

Ты тронул ветку, ветка зашумела.
Зеленый сон, как молодость, наивен.
Утешить человека может мелочь:
Шум листьев или летом светлый ливень,
Когда, омыт, оплакан и закапан,
Мир ясен - ведь в одной повисшей капле,
Когда доносится горячий запах
Цветов, что прежде никогда не пахли.
... Я знаю всё - годов проломы, бреши,
Крутых дорог бесчисленные петли.
Нет, человека нелегко утешить!
И всё же я скажу про дождь, про ветви.
Мы победим. За нас вся свежесть мира,
Все жилы, все побеги, все подростки,
Всё это небо синее - на вырост,
Как мальчика веселая матроска,
За нас все звуки, все цвета, все формы,
И дети, что, смеясь, кидают мячик,
И птицы изумительное горло,
И слезы простодушные рыбачек.

4. ПОБЕДА

Она была в линялой гимнастерке,
И ноги были до крови натерты.
Она пришла и постучалась в дом.
Открыла мать. Был стол накрыт к обеду.
"Твой сын служил со мной в полку одном,
И я пришла. Меня зовут Победа".
Был черный хлеб белее белых дней,
И слезы были соли солоней.
Все сто столиц кричали вдалеке,
В ладоши хлопали и танцевали.
И только в тихом русском городке
Две женщины, как мертвые, молчали.

5. ДЕРЕВЬЯ

Трагедия закончена - так пишут,
И это правда, - строят города,
Влюбляются и по ночам не слышат,
Как голосит железная беда.
Но вот война - окопы, танк подбитый,
Оборван провод и повисла нить,
Как будто после той ужасной битвы
Здесь занавес забыли опустить.
Торчит стена расщепленного дома,

В глубоких ямах желтая вода.
Как это все мучительно знакомо,
Мне кажется, что я здесь жил всегда.
Обломаны, обрублены деревья,
Черны они, в них битв минувших страсть,
И, руки заломив в последнем гневе,
Они ни жить не могут, ни упасть.

6. ВОКРУГ СЕРДЦЕВИНЫ

Всё за беспамятство отдать готов,
Но не забыть ни звуков, ни цветов,
Ни сверстников, ни смутного ребячества
(Его другие перепишут начисто).
Вкруг сердцевины кольца наросли.
Друзей всё меньше: вымерли, прошли.
Сгребают сено девушки веселые,
И запах сена веселит, как молодость.
Всё те же лица, клятвы и слова:
Так пахнет только мертвая трава.

7. ОБОРВИ

Додумать не дай, оборви, молю, этот голос,
Чтоб память распалась, чтоб та тоска раскололась,
Чтоб люди шутили, чтоб больше шуток и шума,
Чтоб, вспомнив, вскочить, себя оборвать, не додумать,
Чтоб жить без просыпу, как пьяный, залпом и на пол,
Чтоб тикали ночью часы, чтоб кран этот капал,
Чтоб капля за каплей, чтоб цифры, рифмы, чтоб что-то,
Какая-то видимость точной, срочной работы,
Чтоб биться с врагом, чтоб штыком - под бомбы, под пули,
Чтоб выстоять смерть, чтоб глаза в глаза заглянули.
Не дай доглядеть, окажи, молю, эту милость,
Не видеть, не вспомнить, что с нами в жизни случилось.

8. РАВНОДУШЬЕ

Сочится зной сквозь крохотные ставни.
В беленой комнате темно и душно.
В ослушников кидали прежде камни,
Теперь и камни стали равнодушны.
Теперь и камни ничего не помнят,
Как их ломали, били и тесали,
Как на заброшенной каменоломне
Проклятый полдень жаден и печален.
Страшнее смерти это равнодушье.
Умрет один - идут, назад не взглянут.
Их одиночество глушит и душит,
И каждый той же суетой обманут.
Быть может, ты, ожесточась, отчаясь,
Вдруг остановишься, чтоб осмотреться,

И на минуту ягода лесная
Тебя обрадует. Так встанет детство:
Обломки мира, облаков обрывки,
Кукушка с глупыми ее годами,
И мокрый мох, и земляники привкус,
Знакомый, но нечаянный, как память.

9. ЗАБЫТЫЙ СОЛДАТ

Горят померанцы, и горы горят.
Под ярким закатом забытый солдат.
Раскрыты глаза, и глаза широки,
Садятся на эти глаза мотыльки.
Натертые ноги в горячей пыли,
Они еще помнят, куда они шли.
В кармане письмо - он его не послал.
Остались патроны, не все расстрелял.
Он в городе строил большие дома,
Один не достроил. Настала зима.
Кого он лелеял, кого он берег,
Когда петухи закричали не в срок,
Когда закричала ночная беда
И в темные горы ушли города?
Дымились оливы. Он шел под огонь.
Горела на солнце сухая ладонь.
Раскрыты глаза, и глаза широки,
Садятся на эти глаза мотыльки.

10. ПРОХОЖИЙ, ПОДОЙДИ

Прохожий, подойди. Лежим в могиле братской.
Нас было четверо, любили мы смеяться,
Цвела тогда сирень, мы были влюблены,
Ходили в школу мы за месяц до войны.
Прохожий, пели мы. Потом запели пули.
Ты знаешь жизнь, в нее мы только заглянули.
Мы жить хотели, но была беда:
Мы отступали и сдавали города.
В то лето было много горя и развалин.
Кукушки коротко в то лето куковали,
Мы в поле залегли, касалась щек трава.
Была пред нами смерть, а позади - Москва.
Есть нечто, вечности оно дороже:
Погибли мы, но ты живешь, прохожий,
Ты смотришь, говоришь, и этот день живой
Стоит, как облако, над розовой Москвой.

11. МОГИЛА СОЛДАТА

Могила солдата, а имени нет,
Мы дату едва разобрали, -
Здесь в сорок втором, не дождавшись побед,

Погиб неизвестный товарищ.
Тогда отступали, и он отступал.
Потом был приказ закрепиться.
В Москве не раздался торжественный залп -
Погиб он в проигранной битве.
Откуда шли танки? Хватило ль гранат?
В газете никто не поведал,
Как в сорок втором неизвестный солдат
Увидел впервые победу.
О том не узнали ни мать, ни жена,
С похода друзья не вернулись.
Он спит одиноко, и только сосна
В почетном стоит карауле.

12. КАМНИ

Есть время камни собирать,
И время есть, чтоб их кидать.
Я изучил все времена,
Я говорил: на то война,
Я камни на себе таскал,
Я их от сердца отрывал,
И стали дни еще темней
От всех раскиданных камней.
Зачем же ты киваешь мне
Над той воронкой в стороне,
Не резонер и не пророк,
Простой дурашливый цветок?

13. НЕ ХОЧУ

Я бродил, я любил здесь когда-то,
А теперь, разлюбив, позабыв,
Я касаюсь мрамора статуй
Среди тощих низких олив.
Я дрожу, - ни тоска, ни трепет
Эту белую плоть не пронзит.
Только изредка летний ветер
По глянцу листвы скользит.
Не хочу! Не хочу вашей правды!
Вы всего мудрей и ясней,
Но даже малая травка
Не взойдет из этих камней.
Облаками большими, тяжелыми
Скрыты синие очи Отца.
Но в душе не осталось золота,
Чтоб отлить иного тельца.

14. ОСТАНОВИСЬ!

Не сухостой - живое тело резать,
Чтоб изошел слезой горячий сруб, -

Так мне ломать проклятое железо
Отлитых для молчальничества губ.
Средь скуки штукатура, к стенке серой,
Когда любовь в любом окне горит,
Знать только капли крана, сердца меру
И смерть на самых подступах зари.
Остановись! Не то я вырву вожжи.
Я на земле еще недолюбил.
Из ночи в ночь короткий теплый дождик
Мои ладони бережно крестил.
Чтоб на спину, считая стаи галок,
Чтоб стала бытом даже эта мгла,
Чтоб фиолетовое веко пало
На дикий, рыбий, вылинявший глаз.

15. ВЕРНОСТЬ

Верность - прямо дорога без петель,
Верность - зрелой души добродетель,
Верность - августа слава и дым,
Зной, его не понять молодым,
Верность - вместе под пули ходили,
Вместе верных друзей хоронили.
Грусть и мужество - не расскажу.
Верность хлебу и верность ножу,
Верность смерти и верность обидам,
Бреда сердца не вспомню, не выдам.
В сердце целься! Пройдут по тебе
Верность сердцу и верность судьбе.

16. ЖИВИ

Уж сердце снизилось, и как!
Как легок лёт земного вечера!
Я тоже глиной был в руках
Неутомимого Горшечника.

И каждый оттиск губ и рук,
И каждый тиск ночного хаоса
Выдавливали новый круг,
Пока любовь не показалася.

И набежавший жар обжег
Еще не выгнутые выгибы,
И то, что было вздох и бог,
То стало каменною книгою.

И кто-то год за годом льет
В уже готовые обличия
Любовных пут тягучий мед
И желчь благого еретичества.

О, костенеющие дни, -
Я их не выплесну, и вот они!
Любви обжиг дает гранит,
И ветер к вечеру немотствует.

Живи, пока не хлынет смерть,
Размоет эту твердь упрямую,
И снова станет перстью персть,
Любовь - неповторимым замыслом.

17. НЕРАЗОРВАВШИЙСЯ СНАРЯД

Разграбив житницы небес,
Дитя вселенской суматохи,
Как я могу, засевши в бест,
Сбирать любви златые крохи?
О, парадизов преснота
И буколические встречи!
Припомнив дикие лета,
Чем осолю свой ранний вечер?
Еще, пожалуй, десять лет
(Мне тридцать минуло) готовься -
Придется этот скудный хлеб.
Солить слезою стариковства.
Конечно одуванчик мил
И Беатриче цель поэта,
Но я сивуху долго пил
И нечувствителен к букету.
Я очень, очень виноват,
Что пережил свое безумье, -
Неразорвавшийся снаряд
Еще валяется на клумбе.

18. В ПИВНОЙ

Приходили четыре безногих солдата.
Пили горькое пиво.
О лихих, о далеких атаках
Говорили лениво.
Говорили, смотрели
На женские прелести.

"Пушка ты, пушечка,
Как тебя не назвать?
Душечка!
Семьдесят пять!
Рушь ты немчиков,
Розовых младенчиков!
Всё разрушишь -
Тихо будет к вечеру.
Дай, моя пушечка,

Я поцелую твое плечико!.."
Девки целовали солдат,
Какая кого, наугад.
"Пригожие мои, видные,
Румяные.
Ножки у вас не какие-нибудь -
Деревянные!"
Целуйте, какая кого! Не спорьте!
Горько! Горько!
Солдат вынул образок,
Лег на скамью, как в гроб.
Плакал Никола-чудотворец,
Застилал одинокую душу.
А золотое, прошлое горе
Всё еще пенилось в кружках.

19. ОСТАНОВКА ПОЕЗДА

Остановка. Несколько примет.
Расписанье некоторых линий.
Так одно из этих легких лет
Будет слишком легким на помине.

Где же сказано - в какой графе,
На каком из верстовых зарубка,
Что такой-то сиживал в кафе
И дымил не додымившей трубкой?

Ты ж не станешь клевера сушить,
Чиркать ногтем по полям романа.
Это - две минуты, и в глуши
Никому не нужный полустанок.

Даже грохот катастроф забудь:
Это - задыханья, и бураны,
И открытый стрелочником путь
Слишком поздно или слишком рано.

Вот мое звериное тепло,
Я почти что от него свободен.
Ты мне руку положи на лоб,
Чтоб услышать, как оно уходит.

Есть в тебе льняная чистота,
И тому, кому не нужно хлеба, -
Три аршина грубого холста
На его последнюю потребу.

20. ПОДШИБЛЕННЫЙ ЗВЕРЬ

Заезжий двор. Ты сердца не щади
И не суди его - оно большое.

И кто проставит на моей груди:
"Свободен от постоя"?

И кто составит имя на снегу
Из букв раскиданных, из рук и прозвищ?
Но есть ладони - много губ
Им заменяло гвозди.

Столь невеселая веселость глаз,
Сутулость вся - тяжелая нагрузка, -
Приметы выгорят дотла,
И уж конечно трубка.

Одна зазубрина, ущербный след,
И глубже всех изданий сотых -
На зацелованной земле
Вчерашние заботы.

Я даже умираю впопыхах,
И пахнет нежностью примятый вереск -
Парная розоватая тропа
Подшибленного зверя.

21. МЕЧТАТЕЛЬ

У маленькой речушки на закате,
Закинув удочку, сидел мечтатель
И, отдыхая от своих тревог,
Глядел на неподвижный поплавок.
Он смутно думал: "Тонет луг в тумане,
Возможно, завтра и меня не станет,
Но будет снова тот же летний день,
И та же рябь реки, и та же лень".
О вечности он думал смутно, вяло,
А рядом на песочке трепетала
Им пойманная рыбка. Где вода?
Ее не будет больше никогда.
Дышать она пыталась. Слишком поздно:
Не для нее сухой и грозный воздух.
Вздымались жабры. Белый жег песок.
Мечтатель всё глядел на поплавок.

22. ГОРЯЧИЙ СВЕТ

Умрет садовник, что сажает семя,
И не увидит первого плода.
О, времени обманчивое бремя!
Недвижен воздух, замерла вода,
Роса, как слезы, связана с утратой,
Напоминает мумию кокон,
Под взглядом оживает камень статуй,
И ящерицы непостижен сон.

Фитиль уснет, когда иссякнет масло,
Ветра сотрут ступни горячий след.
Но нежная звезда давно погасла,
И виден мне ее горячий свет.

23. НЕЖНОСТЬ

Позабыть на одну минуту,
Может быть, написать кому-то,
Может, что-то убрать, передвинуть,
Посмотреть на полет снежинок,
Погадать - додержусь, дотяну ли,
Почитать о лихом Калигуле.
Были силы, но как-то не вышло,
А теперь уже скоро крышка.
Не додумать, быть очень твердым,
Просидеть над дурацким кроссвордом, -
Что от правды и что от кривды,
Не помогут ни мысли, ни рифмы.
Это дальше теперь или ближе?
Нужно выбраться, вытянуть, выжить.
Время мешкает, топчется глухо,
Не взлетает, как поздняя муха.
Есть черед, а хотелось бы через.
Нужно жить, а уж нет суеверий,
Если держит еще - не надежда,
А густая и цепкая нежность,
Что из сердца не уберется,
Если сердце всё еще бьется.

24. СВЕТ ПОГАС

Свет погас.
Говорят, через час
Свет дадут
или нет.
Слишком много мне лет,
Чтобы ждать и гадать -
Будет шторм или гладь.
Далеко далека
Та живая рука.
А включат или нет,
Будут врать или драть, -
Больше нет тех монет,
Чтоб в орлянку играть.

25. НАШЕ ВРЕМЯ

Самоубийцею в ущелье
С горы кидается поток,
Ломает вековые ели
И сносит камни, как песок.

Скорей бы вниз! И дни, и ночи,
Не зная мира языка,
Грозит, упорствует, грохочет.

Так начинается река,
Чтоб после плавно и лениво
Качать рыбацкие челны
И отражать то трепет ивы,
То башен вековые сны.

Закончится и наше время
Среди лазоревых земель,
Где садовод лелеет семя
И мать качает колыбель,
Где летний день глубок и долог,
Где сердце тишиной полно
И где с руки усталый голубь
Клюет пшеничное зерно.

26. ТЫ ОТВЕТИШЬ

Мы говорим, когда нам плохо,
Что, видно, такова эпоха,
Но говорим словами теми,
Что нам продиктовало время.
И мы привязаны навеки
К его взыскательной опеке,
К тому, что есть большие планы,
К тому, что есть большие раны,
Что изменяем мы природу,
Что умираем в непогоду
И что привыкли наши ноги
К воздушной и земной тревоге,
Что мы считаем дни вприкидку,
Что сшиты на живую нитку,
Что никакая в мире нежить
Той тонкой нитки не разрежет.
В удаче ль дело, в неудаче,
Но мы не можем жить иначе,
Не променяем - мы упрямы -
Ни этих лет, ни этой драмы,
Не променяем нашей доли,
Не променяем нашей роли, -
Играй ты молча иль речисто,
Играй героя иль статиста,
Но ты ответишь перед всеми
Не только за себя - за Время.

27. НЕ ОСУДИ

Не осуди - разумный виноградарь

Стрижет лозу, заготовляет жердь.
Кружиться - ветру, человеку - падать,
Пока не уведет заплаканная смерть.

Ты, пролистав моих любовей повесть,
Подумай: яблока короткий стук -
Стяжатель истины приподнял брови
И опознал земную тяготу.

Ведь как бы мы любви ни угождали,
В июльский день - одно жужжанье мух,
Горчее губы розовых миндалин,
А глиняное сердце - никому.

О чем же спор пока снует и бьется?
Одной кривой подняться не дано.
Ведра не вытянут из емкого колодца,
И не согреет сердца полотно.

28. БУДЕТ ДЕНЬ

Будет день - и станет наше горе
Датами на цоколе историй,
И в обжитом доме не припомнят
О рабах былой каменоломни.
Но останется от жизни давней
След нестертый на остывшем камне,
Не заглохшие без эха рифмы,
Не забытые чужие мифы,
Не скрижали дикого Синая -
Слабая рука, а в ней другая,
Чтобы знали дети легкой неги
О неупомянутой победе
Просто человеческого сердца
Не над человеком, но над смертью.
Так напрасно все ветра пытались
Разлучить хладеющие пальцы.
Быстрый выстрел или всхлипы двери,
Но в потере не было потери.